Караченцов Николай Петрович

17.12.94.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА ♦ N:49 (150)

Exotour

Новый год – в Греции!

28 декабря, Афины, отель 4 зв., экскурсии (Акрополь, Дельфы, пещеры) новогодняя ночь в таверне. 8 дней – 670$.
"Небесные монастыри", 18 января, Афины – Дельфы – Метеора, отели 4 зв., экскурсии в монастыри и пещеры, 8 дней – 760$.
Египет: Красное море (Хургада), 8 дней – 550$, 8, 15, 22 января, 5 февраля.
Эмираты: 5, 8, 11, 15 дней, отели 4, 5 зв., от 495$.
Греция: Афины, 2 экскурсии, 8 дней, 455$.

В СТОИМОСТЬ ТУРОВ ВКЛЮЧЕНЫ АВИАБИЛЕТЫ И ВИЗЫ

ЭКСОТУР: (095) 201-2562, 201-7972, 201-7725.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:

NOTEBOOKS MONO
386 SX-20 4/80 (JAPAN) $940
486 DX-25 4/120 T/B, SOUND $1470
486 DX-33 4/120 T/B, SCSI $1350
ЦВЕТНЫЕ NOTEBOOKS
486SLC-50 4/120 $1740
ГАРАНТИЯ 1 ГОД
ДОСТАВКА ПО ТЕРРИТОРИИ СНГ
Тел. (095) 320-3377

ХИТРОВАН КАРАЧЕНЦОВ

Моск. правда. – 1994. – 17 дек. – с.3.

Андрей ВАНДЕНКО

Ну и хитер же Николай Петрович! Стоит вопросом вторгнуться на территорию, которую КАРАЧЕНЦОВ определил как суверенную и запретную для посторонних, Николай Петрович тут же пускает в ход давно отработанный прием, позволяющий переиграть интервьюера. Собственно, мне и раньше частенько приходилось иметь дело с людьми, не желавшими выворачиваться наизнанку перед белым светом. Но, в отличие от прочих, Караченцов не уклоняется от ответа. Он поступает иначе. "Андрюша, выключите, пожалуйста, диктофон. Я все расскажу, но только вам". Естественно, польщенный высоким доверием, расплываешься от удовольствия, останавливаешь магнитофонную ленту и слушаешь, развесив уши. Пожалуйста, любые вопросы – о семье, о 16-летнем сыне, о конфликтах в театре, хоть о том, были ли у Караченцова любовницы, а если да, то сколько. Однако – без диктофона. "Выключите, Андрюша". Мягко и непреклонно.

Но я ведь вроде как не из праздного интереса спрашиваю и не для личного пользования. Опять же вопросы у меня почти все с переходом границы независимого государства под названием Караченцов. Поэтому диктофон щелк-щелк. Вроде все, о чем хотел, спросил, все узнал, а писать, повязанному джентльменским соглашением, похоже, и не о чем. Называется, поговорили...

Одно слово: хитрован!

"МН" ВСЕГДА В ЦЕНЕ?

– Николай Петрович, почему вы не подадите в суд на "Московскую недвижимость", которая по радио и с телеэкрана вашим голосом говорит?

– Берегу собственные нервы. Кроме того, понимаю, что даже если и выиграю дело, то незначительно.

– Вы о материальной стороне?

– Ну да.

– Назовите сумму значительную. Заломите за нанесенный моральный ущерб столько, чтобы "МН" мало не показалось.

– Энергетические затраты все равно не окуплю: миллион справок собрать, по судам бегать... Некогда мне, да и муторное это дело – сутяжничество.

И потом, понимаете... Живи я на Западе, исход судебного процесса был бы очевиден. А у нас? В стране по-прежнему не существует законов, регулирующих авторское право. Если бы "Московская недвижимость" для своих рекламных роликов настригла кусочков из моих ролей или использовала мой голос, тогда – да. Здесь же обман психологического свойства. Нашли актера, обладающего похожим на мой тембром голоса, и заставили его озвучивать ролики, копируя мои интонации. Судиться из-за того, что используют узнаваемость моего голоса, чтобы привлекать потенциальных покупателей акций? Но как я докажу, что это меня пародируют? Скажут, что просто голоса совпадают. Я не могу утверждать, что был сознательный подбор артиста а-ля Караченцов. Это на уровне предположений.

– А актера вы знаете, который под вас косит?

– Это Дима Матвеев, он в штате киностудии Горького.

– Вот и прижали бы этого Диму в темном месте и вежливо посоветовали бы ему под Бориса Николаевича или Виктора Степановича работать.

– А Дима чем виноват? Он свой кусок хлеба зарабатывает. Были ведь уже статьи "Зачем вы мочите репутацию Караченцова?"

– Мучаете?

– Нет, мочите.

– Это что-то уже совсем уголовное.

– Не знаю, в газете так написали. Мочат или мучают, но факт, что имя мое в оборот "Недвижимость" взяла. Однажды даже по телевидению видел сюжет, как у бабульки на улице спрашивают, куда она свой ваучер вложила. Старушка и говорит: "В "Московскую недвижимость", меня Коля убедил. Я же ему верю". Вот, думаю, елки с палками! Верит! Говорит Матвеев, а убеждает Караченцов. Это при том, что свои ваучеры не только никуда я не вкладывал, но даже и не засовывал.

– До того, как Матвеева найти, очевидно, "МН" с вами пыталась связаться?

– Сейчас наверняка утверждать я не берусь, но какие-то фирмы, действительно, обращались.

– В цене не сошлись?

– Все это выглядело как-то несерьезно. Я не был уверен, что мне нужно ввязываться в подобное дело.

А вы знаете, что и "МММ" в самом начале моим голосом вещал? Это лишь потом Леня Голубков появился.

– И к "МММ" вы отношения не имеете?

– Конечно! Все бы ничего, если бы моя репутация в результате не страдала.

– Когда вы впервые услышали, как своим-несвоим голосом с экрана говорите, наверное, бурно отреагировали?

– Ну-у-у... Выматерился. Внутренне.

Неприятно было перед коллегами оправдываться. В театре стали подкалывать: прикупил, мол, кусок столичной недвижимости? Ходил и твердил, как попка: не прикупил, не я в рекламе говорил.

– Поверили?

– Те, кто хорошо меня знает, уже на третьей-четвертой фразе рекламного клипа догадывались: что-то тут нечисто. У каждого человека есть какие-то непередаваемые нотки, особенности построения фразы. Поэтому друзья понимали: это не Коля говорит.

– А остальные как?

– Раз вы эти вопросы задаете, значит, до сих пор приходится доказывать, что я не верблюд.

Однажды я уже рассказывал о диалоге, недавно произошедшем у меня в Петербурге со случайным прохожим. Подходит пожилой, по всему видно, интеллигентный человек. Весь прямо дрожит от волнения. Для начала признался, что долгое время я был чуть не их семейным кумиром, а ленкомовский спектакль "Юнона и Авось" они вообще готовы смотреть сто раз кряду. Я сижу, млею, все эти слова слушать – чего скрывать? – приятно. А собеседник мой и говорит дальше: "Мы на вас молились, но теперь вашего имени слышать не хотим. Как же вы могли, Николай Петрович, продаться? Вы же потеряли людское уважение, взявшись рекламировать тех, кто деньги КПСС украл и сейчас новые миллионы нечестно зарабатывает". Объясняю: "Мил-человек, не имею я ни малейшего отношения к этой рекламе". Тот петербуржец даже прыгать от радости принялся: "Я всем теперь расскажу, что Караченцов рекламой не замарался!"

Конечно, хорошо, что я вернул расположение одного из поклонников, но ведь с каждым разъяснительную работу не проведешь, правда? И даже интервью, в газете опубликованное, ситуацию не изменит. До всех не докричишься.

– А вы, получается, принципиальный противник работы с рекламой?

– Чушь собачья! Я в жизни не брошу камень ни в одного артиста, который таким образом зарабатывает себе на жизнь. Сто раз писали о нищенствующих актерах, но ведь, как и в случае с халвой, от многократного повторения слаще не становится. Чем с голоду помирать или вагоны разгружать, лучше все же ремеслом подкармливаться.

Если я сам пока никакой рекламой не занимаюсь, это еще ничего не значит.

– Почему же? Значит, хорошо живете.

– С какой стороны посмотреть.

– Во всяком случае, не нуждаетесь настолько, чтобы с рекламы кормиться.

– Это так. Но... Давайте посмотрим. Во-первых, я работаю в модном театре, играю главные роли в спектаклях, на которые не может попасть Москва. "Юнона" идет двенадцать лет. Двенадцать! За рубежом, думаете, много таких аншлаговых постановок? "Вестсайдская история", "Волосы"... Занятые в этих спектаклях актеры давно уже миллионеры. На их фоне я оборванец.

– При чем тут Запад?

– Погодите, я не закончил. Второе: я снимаюсь в кино, причем так, что из девяноста картин в половине сыграл главные роли. Третье: я пою, выпускаю пластинки. За границей у актеров, делающих все это, ранг суперстар и не то что свои виллы и яхты – целые острова. А у меня? Трехкомнатная квартира!

– Николай Петрович, вы же сами прекрасно понимаете, что сравниваете несравнимое.

– Конечно, мы живем в России. Но, думаю, и здесь мы, актеры, должны стоить дороже, чем это есть на самом деле.

Да, я сыт, обут. Однако в дорогие рестораны ходить не могу.

– Обидно, что не по карману?

– Было бы обидно, брался бы за любые заработки. Хотя зарекаться не буду. Например, если какая-нибудь табачная фирма (я злостный курильщик) завтра предложит сто тысяч долларов за рекламу своей продукции, то я за эти деньги весь искурюсь.

– В одном вашем интервью я уже встречал эту цифру – сто тысяч. Это ваша цена?

– Между нами: за полтинник тоже пойду. Только ведь и пятьдесят тысяч никто не предложит.

– А сколько дают?

– Звонят, говорят: мы вам заплатим тысячу баксов. Что это за сумма? Вроде, и немало, а с другой стороны – эти деньги быстро разлетятся по пустякам, заметно богаче я от них не стану, но имя мое в рекламе – извините за сленг – засветится. Зачем?

ПРИМАНКА ДЛЯ СОГРАЖДАН

– При всех издержках, связанных с эксплуатацией в рекламе вашего честного имени, а точнее – голоса, есть в этом деле и положительная сторона: раз вас используют как приманку для доверчивых сограждан, значит, люди верят Караченцову.

– Признаться, я никогда над этим глубоко не задумывался.

– Ой, Николай Петрович!

– Честное слово! Вы сейчас сказали, я присмотрелся: да, пожалуй, вы правы. Наверное, я достиг той степени популярности, когда мой голос узнают, даже меня не видя в кадре.

– Дело не только в том. Вы как бы стали неким гарантом, символом надежности. Раз Караченцов говорит, значит, можно верить.

– Да, это приятно сознавать. Но я об этом обычно не думаю. Вы меня подталкиваете.

– А кроме меня, значит, вам подобного никто и никогда не говорил?

– Вы спросили, и я вспомнил: однажды такое уже было. Как-то я выступал по телевидению, долго распинался о том, что не очень понимаю, когда уважаемые мною люди искусства берутся рассуждать с экрана о политике и экономике. Я говорил о том, что каждый должен заниматься своим делом. Если режиссер или писатель лезет в Государственную думу, дабы вершить судьбу страны, то в результате неизбежно страдает его основное занятие, а вот приобретаем ли мы профессионального политика – не факт. Зачем мне слушать достаточно дилетантские суждения по серьезным вопросам актера, которого я давно не вижу ни в одной приличной работе? Лучше бы энергию и силы, затраченные на сочинение телевизионного спича, артист употребил на новую роль и тем самым принес большую пользу стране, поскольку делал бы то, что умеет.

Также я тогда сказал о том, что, на мой взгляд, нередко публичные выступления не есть веление души – "не могу молчать!" Нет, людьми движет холодный расчет, желание засветиться, напомнить о себе.

В общем, долго я говорил, пока ведущая программы не перебила репликой: "Зря вы так, Николай Петрович. Раньше для меня ориентиром в жизни был Высоцкий, а сегодня мне очень важно, что думает о ситуации в стране Караченцов". Мне это польстило, я умолк и задумался: может, иногда и стоит пускать в ход свой авторитет?

– Но этот процесс, понимаю, вы хотите контролировать самостоятельно, не отдавая свое имя в чужие руки?

– Именно! Недавно отец сунул мне газету, приглашающую всех желающих отправиться в средиземноморский круиз в компании звезд, среди которых назван и я. Отец говорит: "Судись!" Я ответил: "Пап, я подумаю". Но сам-то знаю, что заниматься этим не стану – силы и время терять.

– А если действительно позвали бы, поехали?

– Не-а.

– Почему?

– Как вам объяснить? Меня ведь зовут для того, чтобы я концертами за каюту-люкс расплачивался.

– Ну и спели бы. Чай, не убудет. Один концерт и три недели удовольствия вместе с женой.

– Все так, но... Что-то меня смущает во всей этой ситуации. Я все же мечтаю достичь положения, когда смогу ездить в круизы, не расплачиваясь концертами, а покупая путевки наравне с прочими туристами. Не хочется чувствовать себя обслуживающим персоналом на празднике жизни.

И еще один момент. Вы же понимаете: теплоход – замкнутое пространство, на нем не спрячешься, с него не сбежишь. Значит, три недели ты вынужден находиться в обществе людей, которых не выбирал в попутчики, они оказались рядом по воле обстоятельств. Всякие типы встречаются. Один считает себя вправе постучать среди ночи в чужую каюту, другой дуреет от свалившегося на него богатства, не знает, куда деньги деть, поэтому и начинает швыряться ими, требуя Караченцова за свой столик. Разумеется, я перед каждым дверь распахивать не стану, в незнакомую компанию не пойду. Вот вам и скандал.

Может, я выражаюсь не слишком внятно, путаюсь в мыслях, но хочу объяснить, что есть во мне внутренний тормоз, мешающий переступить через определенные барьеры. Может, это интуиция, подсознание. Не знаю.

– Размениваться не хотите.

– Наверное. Поэтому априори отвергаю всякие посягательства на мое самолюбие.

– Пробуют?

– Позвать на свадьбу или на день рождения и усадить по главе стола, чтобы все видели, какие крутые гости у них – такого пока не было.

Понимаете, я все время держу в голове, как отразится на моей дальнейшей репутации тот или иной поступок. Скажем, если я появлюсь на людях небритый или плохо одетый. Или даже этот наш разговор. Я ведь слежу за каждым словом. Мы же не просто трепемся, а беседуем для газеты, значит, это будет прочитано.

– Но это же скучно, Николай Петрович: все время себя контролировать.

– К счастью, иногда удается побыть наедине с собой. Но какой я в эти минуты – никто не должен знать.

– Ну а если я сейчас попрошу от вас определенности в ответах, скажем, о той же политике, уклонитесь?

– Не в том суть, что я такой осторожный. Я искренне убежден, что мое призвание не в спорах о политике. Спел, например, я песню "Отставной майор" и выразил тем самым свое отношение к войне в Афганистане. Все, слова уже не нужны.

Жванецкого однажды спросили о том, как он перестроился в нынешних условиях. А Михал Михалыч ответил: "Зачем мне перестраиваться? Я и раньше не врал". Мне тоже как бы особенно нечего стыдиться, хотя и понимаю, что это не только моя заслуга. Это удача – работать в театре Марка Захарова. Театр наш никогда не врал. Любой наш спектакль в эпоху застоя сдавался по нескольку раз, некоторые постановки были зарублены. Вспомните историю "Тиля", "Юнонь:". А "Три девушки в голубом"? Грандиозный захаровский спектакль.

– Николай Петрович, но ведь был у любимого вами Марка Анатольевича и еще один миниспектакль – с публичным сжиганием партбилета на экране телевизора. Может, это и не вранье, однако уж фальшь – наверняка.

– У меня такое впечатление, что этот злосчастный билет Захарову будут поминать до конца жизни.

– Разумеется. Другому бы, пожалуй, простили, а от такого режиссера требуется большее чувство меры и такта. Вас, например, тот костерчик из красной книжицы не покоробил?

– Покоробил. Более того, я знаю, что и сам Марк Анатольевич переживает до сих пор. Хотя, думаю, тогда он все делал искренне.

– Полагаете? Уж больно все похоже на режиссерский ход.

– Это самое очевидное объяснение, лежащее на поверхности. Мол, Захаров решил сделать эффектный жест и просчитался. Вряд ли Марк Анатольевич так уж продумывает каждый шаг: когда партбилет сжечь, когда в поддержку президента Ельцина выступить. Это был эмоциональный поступок.

– А вы не задавали Захарову прямого вопроса об этом?

– Задавал. Выключите диктофон, Андрюша.

(То, о чем я вам говорил. Очередной щелчок и доверительное объяснение Караченцова, почему сегодня не стоит ворошить ту старую историю. Что тут поделаешь? – А.В.)

– А вы в КПСС вступить успели?

– Не то слово! Я был членом партбюро театра.

– Да, глубоко вступили.

– О! Я ведь партбилет получил в довольно раннем возрасте. Как только в театр пришел.

– Зачем вам это понадобилось? Профессия вроде бы не требовала подобных жестов?

– Почему жестов? Я искренне верил, что в партию принимают самых достойных, поэтому старательно готовился к борьбе со всякой мерзостью, мешавшей, по моему пониманию, нашей стране жить и процветать. Надо признать, что я был не просто идейным или убежденным, а временами даже оголтелым. Во всяком случае, активничал на партсобраниях, демонстрируя принципиальность и непримиримость.

– Столь строги вы были только по отношению к другим?

– Нет, конечно. Скажем, однажды я потерял комсомольский билет...

– По пьяной лавочке?

– Я тогда еще в школе учился, поэтому вряд ли дело в названной вами причине. Я все же не так рано пить начал... Нет, билет просто вывалился из кармана куртки. Кажется, это на ВДНХ случилось, куда мы с ребятами поехали погулять. Но, собственно, я не о потере хотел рассказать, а о своем поведении после этого. Переживал страшно. Как положено, повинился перед комсомольским собранием, целиком признал свою вину и попросил наказать меня построже. Чуть ли не со слезами на глазах умолял выгнать меня поганой метлой из комсомола: мол, не место в организации тем, кто не дорожит святыней, какой является членская книжка. Мне выговор хотели объявить, а я кричал: нет, мало этого, исключить меня надо, исключить!

– Это вы в образ вошли или по убеждению говорили?

– Конечно, по убеждению! Хотел, чтобы меня выгнали, а я потом, что называется, кровью заслужил право называться комсомольцем. Идиот, одним словом!

Потом потихоньку глаза стали раскрываться. Я же очень многого не знал. Впрочем, как и все мы. Посчитайте: когда грянул 20-й съезд партии, мне исполнилось 12 лет.

КОЛЕНКА ОТ КУЗНЕЧИКА

– Вы ведь кажется, учились в каком-то приблатненном интернате? Мидовском?

– Внешторговском.

У меня мама балетмейстер, она часто уезжала в длительные зарубежные командировки – поднимать балет то в Монголии, то во Вьетнаме, то в Сирии. Мама награждена орденами многих стран, в которых работала. За создание национальных хореографических школ.

– А почему мама вас с собой не брала?

– Мне негде было за границей учиться. При советских посольствах работали только начальные школы, поэтому меня вынужденно отдали в интернат.

...Три года назад я похоронил маму. Мне ее очень не хватает. Мы очень дружили...

– Я не хотел сделать больно.

– Не извиняйтесь, вы здесь ни при чем. Эта боль со мной всегда...

Возвращаясь к интернату, могу сказать, что с того времени у меня осталось несколько верных товарищей, с которыми, увы, я вижусь гораздо реже, чем стоило бы, но которые первыми придут мне на помощь, как только это потребуется.

– А если им от вас будет что-то нужно?

– Какой с меня прок? Попросить билеты на премьеру в Ленком? Так я и сам ребят зову на все свои спектакли.

– Не прибедняйтесь, Николай Петрович. Вы с большими людьми общаетесь, значит, имеете возможность ввернуть словечко за хорошего человека.

– Нет, с такими просьбами друзья ко мне обращаться не станут. Не того у нас уровня отношения, чтобы размениваться по пустякам. Вообще, с годами я убеждаюсь в справедливости утверждения, что настоящих друзей можно обрести только в детстве и молодости, потом обрастаешь приятелями, товарищами, знакомыми, но не более.

Скажем, в театре я стараюсь со всеми поддерживать ровные отношения, но другом могу назвать только Бориса Чунаева, с которым мы вместе с первого курса института. Кстати, у нас и гримуборная общая. Меня сюда определили, когда зачислили в ленкомовскую труппу. Позже неоднократно предлагали перебраться в комнату поудобнее, поближе к сцене, но я отказывался. Во-первых, потому, что считаю себя человеком привычки, во-вторых, перед своими неудобно.

С остальными коллегами, повторю, стремлюсь держаться по-доброму. Кто-то ближе мне, кто-то – дальше, к кому-то мы с женой ходим в гости, к кому-то – нет.

– Как-то где-то почему-то хочется большей определенности в ответе.

– С Инной Чуриковой, например, мы дружим домами.

– Николай Петрович, вы же понимаете, следующим будет вопрос: а с кем не дружите?

– Не нужно меня в угол загонять. Это пустое занятие.

– Какой угол? Театральные склоки давно стали достоянием Москвы.

– Да, я знаю, что порой о творческом коллективе говорят как о клубке друзей, а артистов одного театра называют не иначе как сотрупниками, но... Понимаете, склоки начинаются, когда в театре плохо. Таганка – самый яркий пример. У нас ситуация иная. С чего мне враждовать с Янковским, Збруевым или Абдуловым? Детей нам вместе не крестить, на сцене роли не делить. Мы разные, каждый умеет делать что-то свое.

– Верно, но когда на ограниченном пространстве сходятся несколько сильных личностей, сшибка неизбежна.

– Поймите, нам нет нужды друг перед другом выдрючиваться, делить сферы влияния. Мы знаем истинную цену друг другу, поскольку много времени проводим вместе на репетициях, где все без грима, где сразу видно, кто на что способен. Не упускайте из вида и еще один существенный нюанс: каждый из нас заинтересован, чтобы на сцене партнер сыграл отлично, ибо от этого зависит и твой личный успех. Мы же не в бенефисах играем, а сообща тянем одно дело. Это только кажется, что за счет чужой неудачи можно ярче блеснуть самому.

Если говорить конкретно о себе, то я вообще могу работать лишь в обстановке доброжелательности. Иначе у меня просто ничего не получится. Это касается не только Ленкома, но и любого другого театра или съемок кинофильма. Если я вижу, как режиссер кричит на молодых актеров, я стараюсь вмешаться, пошутить. Я исхожу из того, что вся работа наша построена на нервах, зачем же их трепать без нужды? Взаимовыручка имеет для актерской профессии первостепенное значение.

Могу привести конкретный пример. Дело было году в 84-м или 85-м. Мы играли "Юнону". Ближе к концу спектакля я неудачно прыгнул и повредил ногу. Как мне показалось в первое мгновение, просто оступился. Позже выяснилось, что на шесть сантиметров вылетела коленка, разорвана связка, поврежден мениск, мышцы – целый букет. Тогда, в горячке, я не разобрался что к чему. Кое-как уполз за кулисы. Мне сигналят: давай прекращать спектакль.

– А зрители поняли, что случилось непредвиденное?

– Они увидели, что я, хромая, ушел со сцены, однако, может, так и задумывалось? Если бы я не вернулся, тогда сообразили бы: что-то произошло, поскольку история Резанова оставалась недорассказанной. Поэтому я машу: играем. Со всей силы саданул по коленке, она вроде вернулась на место. Я присел пару раз для пробы и вывалился на сцену. Шагаю и чувствую, что нога опять начинает подворачиваться не в ту сторону. Знаете, как у кузнечика – коленками назад. Боль такая, что рот раскрыть не могу, боюсь, что стонать начну. За кулисы уже врачи прибежали, носилки приготовили, а я в зал смотрю... Хотите верьте, хотите не верьте, но Саша Абдулов двадцать минут меня буквально на руках по сцене носил, на ногу ступить не давал. По пьесе мы должны были драться, скакать, а Саша прижимает меня к себе, как барышню, и шепчет тихонько: "Колька, держись!" Такое не забывается. И как теперь, по-вашему, я буду ему подлянки делать, ревность и конкуренцию разводить?

– Значит, ради светлого прошлого вы готовы прощать, на что-то закрывать глаза?

– Ну-у, как сказать? Да, сильные дружеские отношения иногда могут навредить делу. Существует риск, что из-за дружбы снизишь требовательность к партнеру. Мол, вчера вместе бухали, а сегодня наезжаешь на приятеля из-за того, что у него с бодуна руки трясутся? Есть шанс нарваться на фразу: "Старик, не грузи с утра, голова и без того раскалывается". И ведь не возразишь. Я понимаю, щекотливость такой ситуации, поэтому стараюсь до нее не доводить.

– Другими словами, с коллегами по театру вы пьете порознь?

– С кем пью? Хрен его знает! Вопрос какой-то некорректный.

– Я иначе спрашивал.

– Ну да, понимаю... Ладно, давайте поставим точки над i в разработке питейной темы. Я не считаю себя сильным алкашом, начнем с этого. И уж абсолютно исключено, чтобы я выпил перед спектаклем, например, сто граммов водки и вышел на сцену.

– Если будет не сто граммов, а пятьдесят?

– Да ни грамма! Для меня это равносильно самоубийству.

– А для других?

– Я не могу отвечать за остальных, но в нашем театре перед спектаклем никто не употребляет. Это закон, заведенный Захаровым. После спектакля – пожалуйста, как говорится, личное дело каждого. Или, скажем, вне работы. Например, мы иногда выезжаем на краткосрочные гастроли со спектаклем "Школа для эмигрантов". В этом спектакле заняты два состава артистов – Абдулов, Янковский, Збруев и я. Едем мы в мягком вагоне скорого поезда, а на столе у нас – бутылка коньяка. Что в этом плохого? Дорожку коротаем. Главное, что перед работой – ни-ни. Во-первых, я начну думать, что от меня пахнет. Во-вторых, вне зависимости от принятой дозы мне будет казаться, что у меня заплетается язык. В-третьих... Вы видели какие-нибудь наши спектакли?

– Обижаете!

– Сыграть наш спектакль – все равно, что разгрузить вагон. Я его, вагон, и под градусом, конечно, разгружу, но это мне дастся таким потом, что никакая водка мила не будет... В-четвертых, для меня сегодня уже важно, что обо мне скажут гримеры, костюмеры, осветители, словом, все те люди, с кем мне придется соприкасаться в процессе работы. И неважно, где это происходит – во Владивостоке, Питере или Киеве. Да, я стал заботиться о своем имени и уже не могу дать повод кому-то говорить, что от Караченцова разило спиртным. Конечно, я нормальный мужик, люблю посидеть в компании, распить бутылку, но только не в том случае, если завтра с утра у меня съемка. Мою физиономию снимать будут, а она заплыла после вчерашнего. Нет, исключено!

Хватит того, что я курю. Будь оно неладно, это курево!

– Пытались бросить?

– Не-а. Пока петух не клюнет... Знаете, вроде прыгаю, бегаю, возраста и усталости не чувствую, иные молодые за мной угнаться не могут. И только когда очередную пустую пачку из-под сигарет выбрасываю, иногда ловлю себя на мысли: что же я делаю, кретин!

Возвращаясь же к вопросу выпивки на службе, хочу назвать вам еще один аргумент, не позволяющий мне употреблять горячительное даже после спектакля: я же постоянно за рулем. В нетрезвом состоянии я никогда не стану вести машину.

– Кстати, о руле. У входа в театр сейчас стоят несколько машин. Я шел на эту встречу и гадал: какая же ваша? Выбор остановил на "Джипе". Попал?

– Да, но... Не хотелось бы особенно распространяться на эту тему. Ладно, вы опознали мою машину, но если это сделают и грабители? У меня ведь одно авто от театра уже угоняли.

– Кажется, не у вас одного?

– К сожалению. Через это прошли все ведущие артисты нашего театра, у которых есть личные автомобили.

– Увы, время Деточкиных, похоже, прошло. Это раньше Робин Гуды трясли жуликов и спекулянтов, остальных щадили, а сейчас и для народных любимцев поблажек не делают.

– Зря смеетесь. Мне специалисты говорили, что сегодняшним ворам на совесть давить бесполезно. Кого угодно разденут. Куда уж дальше, если даже машину из гаража президента России сперли!

Поэтому с вашего позволения отличительные черты своего "Джипа" я обнародовать не буду, скажу лишь, чтобы не плодить кривотолки: такое авто досталось мне по случаю. Купил сравнительно недорого у приятеля. Признаться, я долго боялся брать иномарку. Во-первых, как уже сказал, потому что не хотел привлекать к себе повышенное внимание. Опять же – иномарки угоняют часто. Во-вторых, были сомнения, хватит ли денег на содержание такой игрушки: сервис – за доллары, запчасти, если, не дай Бог, что-нибудь полетит, тоже за валюту. А если побьешься, как ремонтировать? Если упрут, будет безумно жалко. Словом, вопросы обычного совка, каким я, по сути, и являюсь. Решил: буду ездить на "Жигулях", хоть ты, в смысле я, тресни! А потом вспомнил "Москвич", который я триста раз проклял из-за вечных поломок, и поддался на уговоры, купил "Джип". Ничего, бегает. Тьфу-тьфу!

– У жены своя машина?

– Жигуль.

– Значит, метро в любом случае вам не грозит.

– Это уж точно. Издержки профессии. С такой узнаваемой физией в общественный транспорт не сунешься. Одна надежда на машину.

ТЕННИС +

– Николай Петрович, вы же с некоторых пор в теннис с большими людьми играть стали. Шепнули бы как-нибудь министру Ерину, чтобы тот пост милиции у театра открыл.

– Да, теннис... В прошлом году, сам того не желая, попал на турнир "Большая шляпа".

– Ой ли – "не желая"?

– Я дал интервью журналу "Теннис +", а это и является пропуском на турнир. О том, что придется с президентом играть, я тогда и не думал. Мне просто нравится мяч через сетку перебрасывать. Ради того, чтобы выйти на корт, я готов в шесть утра вставать, хотя и веду образ жизни совы, раньше двух часов ночи спать не ложусь. Теннис, как и любой другой вид спорта, требует фанатизма.

Так вот. Пригласили меня поспорить за "Большую шляпу". И надо же было такому случиться: в паре с тележурналистом Борисом Ноткиным мы выиграли турнир. По условиям победители должны были встретиться на корте с президентом и его партнером Шамилем Тарпищевым. Мне позвонили и сказали: могли бы вы подъехать к такому-то часу?

Мог бы я?! Правда, я умудрился на пять минут опоздать к назначенному времени. Приезжаю, а у всех уже глаза, как блюдца: вы соображаете, что делаете, президент на корте вас ждет!

В общем, поиграли.

– Разумеется, проиграли?

– А что мы могли сделать против Тарпищева? Он же не чета нам, чайникам, в прошлом профессиональный игрок, в одиночку весь корт перекрывал, и мы ничего не могли поделать. Да, проиграли, но поддавками не занимались, бились до последнего.

А Борис Николаевич... Спасибо, что он этим занимается. Он ведь сравнительно недавно теннисом увлекся – года четыре назад.

– А вы?

– Люблю больше, чем умею. Систематически я никогда не тренировался. У меня не бывает графика "понедельник-среда-пятница". Иногда по месяцу ракетку в руки не беру. Некогда.

Теннис меня подкупает тем, что всегда можно найти партнера своего уровня, всегда есть стимул для роста.

– Вы о каком уровне и росте говорите?

– О спортивном, о спортивном. Неужели вы думаете, что стремлюсь играть исключительно с министрами и президентскими советниками?

– Я этого не говорил, хотя могу предположить, что знакомство с политической элитой влияет на ваш социальный статус.

– Дай Бог здоровья всем правителям, но... Возьмите Александра Шохина. Каково было ему уходить в отставку? Молодой, толковый, наверное, талантливый. Он проработал с несколькими премьерами, однако правительственные кресла не вечны. Теперь Саша носит приставку "экс". Мое положение в этой ситуации предпочтительнее. Экс-артистом стать нельзя, тем более, артистом народным. Я был актером и буду им. Кому мне завидовать? Да, я многих сегодняшних руководителей знаю. Но и они меня знают и, надеюсь, не только как теннисного партнера. Понимаете, у меня есть что-то фундаментальное в жизни. Например, никогда не забуду женщину, которая случайно увидела меня на улице, подошла и сказала: "По-моему, вы актер, который может сыграть любую роль". Это признание, может, мне в сто раз дороже, чем...

Хватит того, что Захаров меня подкалывает, теннисными новостями интересуясь. Марк Анатольевич вообще сказал, что скоро ему придется переквалифицироваться в биографа артиста и теннисиста Караченцова. Мол, в последнее время все чаще приходится не о театральных премьерах говорить, а о подвигах Николая Петровича.

Впрочем, это шутка. А если серьезно, то я надеюсь что-нибудь стоящее в своей профессии еще сотворить.

– Не устали?

– Как только устану, сразу надо будет уходить. Иногда, конечно, задумываешься: во имя чего эта гонка? Есть риск стереться, как пятак, утратить свежесть. Но, с другой стороны, понимаю, что если буду сидеть и десять лет ждать одной-единственной роли, то могу остаться ни с чем.

– Деньги?

– Не это главное. Простите высокопарщину: театр – мой Бог.

– Николай Петрович, давайте религию не беспокоить. Даже такую.

– Да, да! И деньги немаловажны. Скажем, на зарплату, которую я получаю в театре, прожить невозможно. Я имею самую высокую ставку, и равняется она аж 300 тысячам рублей. Выше нет! Правда, спасибо Ленкому, мне доплачивают за каждый выход на сцену. Тысяч по семьдесят за вечер. Всего у меня в месяц получается 10-12 спектаклей. Вот и считайте.

– Наверное, один ваш съемочный день в кино стоит дороже, чем месячная зарплата со всеми надбавками?

– Совершенно верно. Поэтому, понимая, что кинематограф пока не предложил мне роли, равной по масштабу и сложности Тилю или Резанову, я не отказываюсь от предложений сниматься. Кроме всего прочего, это для меня и способ существовать. В самом прозаическом смысле слова. Другое дело, что я не в каждом фильме играть соглашаюсь, 80 процентов предложений отклоняю. Гонорар – это не все, в первую очередь, мне роль должна быть интересна. Но право выбирать надо заслужить. Сейчас я снимаюсь в 50-серийных "Петербургских тайнах" и 20-серийной "Королеве Марго".

Надо ведь когда-то, как вы сами заметили, и в теннис играть.

– С "Большой шляпой" гастролируете?

– К сожалению, лишь однажды. Были в Риме. Я играл против Франко Неро.

– А вообще вы много попутешествовали?

– Да уж! Практически всю Европу проехал, в Америке был раз восемь. Только не спрашивайте, не хочу ли я там жить.

– Честно говоря, не собирался, но вы вроде сами подталкиваете меня к этому вопросу.

– Нет, я не подталкиваю. Просто модно сейчас стало говорить об эмиграции. По-моему, это кокетство. То, что я имею здесь, нигде больше мне не получить. Я же языка не знаю, до смерти от акцента не избавлюсь. В пятьдесят лет начинать с эпизодических ролей русских шпионов в малобюджетных голливудских картинах? Чтобы через три года купить такой же "Джип", который у меня есть сегодня?

Нет уж, лучше я останусь актером. В России.

– Оставайтесь. Кто же спорит?

Фото Василия КУДРЯВЦЕВА

228